

Письмо Я.Войскунского - последняя страница

це), в том числе Гриша и муж Леи. Их повели на полигон в Новосвенцяны [ныне – Швенченялай - Л.Т.] в гетто. Туда свозили впоследствии и из окрестных местечек. Она узнала, что всех расстреляли. Через 2-2.5 месяца буквально все еврейское население было изгнано из своих домов и с маленькими узелками всех повели в это же гетто. Там их морили голодом и мучили 10 дней, а затем всех убили, расстреляли, - и стариков, и старух, и детей. Подробности, которые эта девушка передает, были ей сообщены очевидцами и писать жутко. Словом, управляли расправой немцы, а практически осуществляли, бросая в яму и не дострелянных, а просто раненных женщин и вместе с ними живых детей – местные профашистски настроенные литовцы. Они же выдавали немцам и тех обреченных,

сах. Она работала в партизанском отряде. Материнское сердце страдало не за себя, а в стократ более за дорогого ребенка. И в первые дни освобождения Свенцяна она, как бешенная львица, бросилась на розыски. Ребенок цел. Я осматриваю эту 3-летнюю говорящую по-польски забитую девочку. Она жалуется на то, что “мама” крепко («кепско») была и боится, как бы опять ее не отослали к той “матери”. Но она избегает пока и эту свою настоящую страдальницу мать. Ясно, что ее крестили (обгишмад - [сделали выкрестом (идиш) - Л.Т.], как говорит мать).

Так вот, эта Рива Фейгель (девичья фамилия) передает те же самые подробности.

Наконец появляется и третья, Цынман. Она теперь Темпельман. Она скрывалась где-то с мужем в м. Видзы. Рассказы те же. В

Почтовая карточка - текст на идише

результате резни погибло все еврейское население и осталось 20-25 человек из работавших в партизанских отрядах. Это было, Лева, в 1941 г. Нет у нас больше в Свенцянах и вообще на западе никого.

Прошло три года. В еврейских домах жили новые “хозяева”, - черносотенные, бандитские элементы из местных националистов – литовцев (почему-то их называют “ди литвинер”). Красная Армия потрянула плечами и двинулась на запад. Немцы перед уходом аккуратно обходили все дома и поджигали, не считаясь с тем, что в них жили уже не семиты, а быть может их холуи. И вот, ни одного дома на всем базаре (кстати, то был не базар, а сквер) на Лынтупской ул., Виленск. ул., Понуменской, на всем пространстве до речки, включая и обе синагоги. Остались целыми дома на Мал[ой] Струнойской, Струнойской, где когда-то арендовали разнесчастные огород и, частично, на Годутишек и Видзек улице.

На месте города руины. А городок был перестроен – тротуары, насаждения. На Казначейской улице сохранилось здание казначейства. С какими глубоко любящими чувствами рассказывают эти спасенные о нашей семье.

“Это такие добрые – и отец, и старуха-мать, и как они всю жизнь мучились и частенько голодали: не бывало часто и хлеба. Мама на старости возилась в этой печке (мы в развалинах), выпекала хлеб и продавала; но это лишь никчемный ее труд; она всегда и везде говорила о двух сыновьях в России; а какой прекрасный был Гриша, работавший в “Друказне”.

Он активно участвовал в еврейских драмкружках в струнном оркестре и как суфлер, он поражал своей культурой, обхождением и знанием дела в кружке; он был любимцем. А каким славным был муж Леи. Они жили бедно, но мило, хо- рошо, никогда не было жалоб на нужды, на тяготы в жизни. “Да, боже мой, как вы похожи на своего отца!”

И она обнимает и со слезами вспоминает нашего дорогого отца, нашу несчастную маму Лею. С каким восторгом отзываются они о ребенке Леи - Бенцэле. Его баловала вся улица, разные подарки, сладости, поцелуи сыпались по его адресу. Это был красавец ребенок. Они знают и [одно слово неразборчиво – Л.Т.], что не сладко, а [одно слово не разборчиво – Л.Т.] им живется.

Со счастливой улыбкой говорят о спасшемся в Советском Союзе Грише. Он часто приезжал в Свенцяны, катался на велосипеде и был предметом веселья и радости для молодежи. Наша обязанность холить его как зеницу ока.

Едва ли есть надобность сообщать ему о трагедии. Я обходил город; я десятки раз приходил в свой б. домик и подолгу простаивал, как пригвожденный. Зияет подвал с полками в стене. На стенах остатки обгорелой электроарматуры. Девушка рассказывает, что это был последний дом в Свенцянах, который устроил наконец электропроводку. Гриша заявил: буду голодать, но электричество будет, и ко дню свадьбы Леи в доме стало светло.

Все. Еще раз говорю, это было 3 года тому назад. 29/VII я уехал в свое расположение в 100 км к северу в р-н [слово зачеркнуто военной цензурой-Л.Т.]. А мы уже опять продвинулись на запад. Помнишь, Лева, Паневеж?

Будьте бодры. Горю ничем помочь нельзя, только кровь Гитлера и всех его сподвижников могут частично лишь утешить. Крови Германии, больше крови немца!

Яша”.

Публикацию подготовили Илья Альтман и Леонид Терушкин

Перевод с идиша Любови Лавровой Копии (сканы) документов из личного фонда Е.Л.Войскунского (Архив НПЦ «Холокост»)

Письмо военврача Якова Соломоновича Войскунского брату Льву и его семье в Баку:

“31 июля 44 г.

Мои дорогие!

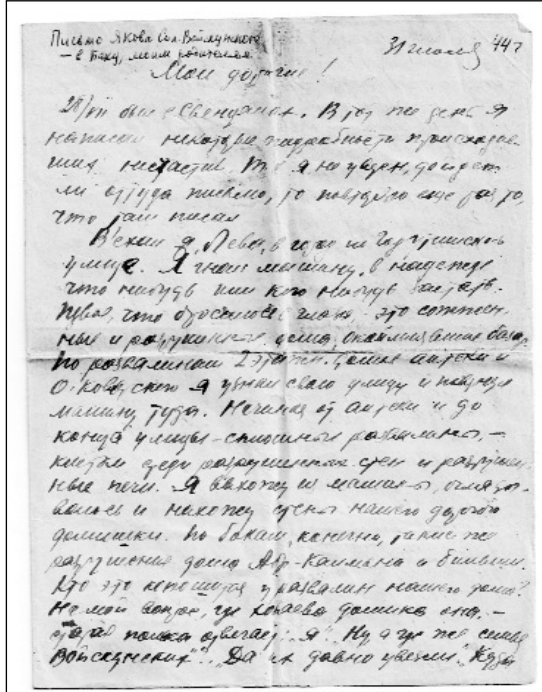
28/VII был в Свенцянах. В тот же день я написал некоторые подробности происходящих несчастий. Т.к. я не уверен, дойдет ли оттуда письмо, то повторяю еще раз то, что там писал.

Въехал я, Лева, в город по Годутишской улице. Я гнал машину в надежде что-нибудь или кого-нибудь застать. Первое что бросилось в глаза – это сожженные и разрушенные дома, окаймлявшие базар. По развалинам двухэтажных домов аптеки и О.Коварского я узнал свою улицу и повернул машину туда. Начиная от аптеки и до конца улицы – сплошные развалины – клетки среди разрушенных стен и разрушенные печи. Я выхожу из машины, оглядываюсь и нахожу стены нашего дорого домишки. По бокам, конечно, такие же разрушенные дома Абр-Калмана и Тильши.

Кто это копошится у развалин нашего дома? На мой вопрос, где хозяйева домика она – старая полька - отвечает: “Я”. – «Ну, а где же семья Войскунских? - “Да их давно увезли”. - “Куда и когда?” - “Еще в 1941 г. в Новосвенцяны”. - “Ну и что с ними?” - “Да кто знает, говорят разное”. - “А есть ли кто-нибудь, кто знает их или помнит?” - “Стариков нет, да вообще из еврейского населения никого в городе нет. Но на днях вернулась из партизанских лесов одна девушка – дочь бывшего соседа вашего”. - “Ведите меня к ней!”.

И вот мне представляется внучка Берла дер Дубелцера. Это дочь его [сына – Л.Т.] Лейбы. Мы его великолепно знали. Завидев меня, эта девушка, найдя сходство мое с отцом, расплакалась и затем рассказала жуткую историю гибели нашего семейства и всего еврейского населения, около 3 тысяч человек.

В конце июня 41 г. были арестованы все мужчины (она говорит о нашей ули-

Письмо Я.Войскунского

которые во время марша пытались скрываться в домах или закоулках.

Ну, а где [одно слово не разборчиво – Л.Т.] Абрам?

Она их всех великолепно знала и особенно знает счастливо избежавшего гибели нашего племянника, гостившего у вас Гришу. Их постигла, говорит она, та же участь, у нее наводили справки. Везде были созданы гетто, кончавшиеся поголовно резней. Она мне дала адреса некоторых лиц в Поставах и Свири, и я уже написал и просил сообщить подробности событий в этих пунктах.

В то время, когда я разговаривал с ней, вошла еще одна партизанка (они вместе 3 года были в лесах) Рива Фейгель. Помнишь, Лева, на базаре на углу Годутишек был посудно-фаянсовый магазин Фейгель. У нее своя история. В момент нашествия тевтонов у нее была 7-месячная беременность. Где-то, как зверь в лесу, она разрешилась, и ребенка оставила в одном польском доме. Сама же вынуждена была пребывать в ле-